

ТВОРЧЕСКИЕ МЕРИДИАНЫ

НАШИ ГОСТИ

ВСТРЕЧИ С ПРАЗДНИКОМ

Начало не предвещало неожиданностей. Сумрачный и непогожий вечер; тусклое мерцание истершегося от времени гобелена и выцветшего фамильного портрета; молодой хозяин и престарелый слуга зябко кутаются в лохмотья возле грубо сколоченного стола...

Обман, обман! Пройдет минута, другая — и под своды, казалось, навечно погрузившегося в разор и запустение родового замка барона Сигоньяка ворвется порыв настоящей жизни. Ворвется — и смекает карты, обманет ожидания! В спектаклях театра из Лиона «Компани дю Котурн» неожиданность становится нормой.

В свободной инсценировке знаменитого романа Теофиля Готье «Капитан Фракасс», которую первой показали гости из Франции, актеры бродячей труппы появляются в мрачном зале в костюмах своих театральных персонажей. И следом за ними на сцену проникает яркий свет прожекторов, романтика необычайных приключений, вольность шутовской игры и игра нешуточных страстей. Молодой барон (Жан-Клод Дроу) слышит властный призыв к битву и действию. Он выхватывает блестящий, как молния, клинок, предлагает свободную руку избраннице своего сердца и, скрыв лицо под маской капитана Фракасса, ведет своих новых друзей через испытания навстречу подвигам.

Далеко не всем постановка спектакля обязана воображению Готье: театр по-хозяйски распоряжается литературным первоисточником. Сценарий построен так, что в центре внимания то и дело возникает тема познания противоречий прошлой действительности. Просто-сердечного и прямодушного героя бросают то в омут придворных интриг, то в костер народного восстания. Но, как и полагается настоящему герою, Фракасс и в воде не тонет, и в огне не горит. Он воплощает в спектакле неистребимую веру в торжество добра и справедливости. Когда же ему становится совсем невмочь, ему на помощь приходит всесильная стихия театральности. В спектакле Марселя Ма-

решаля, Бернара Балле и Рауля Биэрея все овеяно влюбленностью в сцену, верой в ее безграничные возможности. «Компани дю Котурн» понимает театр как увлекательную авантюру, поэтическую магию, прекрасную легенду, которая все дозволяет и ничему не препятствует. «Фракасс» поражает подвижностью раскрепощенной фантазии, высоким уровнем постановочной техники и исполнительской культуры и вместе с тем художественной простотой.

«Компани дю Котурн» доверяет зрителям и настраивает зал на волну вымысла. Открытый глазу театральный горизонт, залитая светом сцена, тяжкий рокот волн позволяют различить дыхание океана, омывающего берега Бретани, а холодные лучи света, окутавшего скелеты вертикальных конструкций художника Жака Анжелиоля, заглядывают, кажется, в самую чащу леса близ Пуатье. Дышит жизнью балетный рисунок бесчисленных боев, изобретательно поставленных Раулем Биэреем. Выведены под свет театральных прожекторов, одетые в театральные костюмы персонажи — добряк Профессор (Марсель Марешаль), и милый Скапен (Бернар Балле дает образ без помощи слов, одной только пластикой), и ничтожный Мсье (Жан-Жак Лагард), и Людовик XIII в исполнении Жозе Ганьоля, ошеломляюще похожий на небезызвестного комического старика Панталоне, — все эти и многие другие маски, ничуть не изменив своей принадлежности к миру выдумки и игры, на наших глазах оживают...

Во «Фракассе» торжествует гармония целого: тема прочитывается ясно, а стиливые приемы — от возвышенной романтики до откровенной сатиры — объединены общим замыслом.

Второй спектакль наших гостей иного типа. Пьеса Жака Одиберти «Одинокий рыцарь» необычна. Она требует от зрителя большого интеллектуального напряжения: уловить потаенное, прерывистое движение авторской мысли, облученной в условный сюжет, причудливые образы, в пышные одежды поэтического красноречия

или дерзкой буффонады, не так-то просто.

Марешаль точно переводит Одиберти на язык сцены. «Одинокий рыцарь» — это спектакль прихотливого рисунка, тяготеющий к изобильной пестроте живописных контрастов. В их центре находится Марешаль, актер-ювелир, выступивший в совершенно разных ролях. В сложном сплетении анекдотик и рассуждений, в перекличке победных возгласов и стенаний, которыми насыщен спектакль, зрителю дано услышать и авторское «послание». Явственнее всего в спектакле его несет образ «одинокого рыцаря».

Крестоносец Миртюс Бернара Балле — грешник и циник. Боловню удачи в любовной схватке и на поле брани, ему не чужды поэтическое воображение и религиозная мечтательность. Миртюс приходит в «святую землю» и здесь переживает кризис, который освещает до сих пор скрытую мысль автора и режиссера, направленную на разоблачение мнимого героизма.

Во «Фракассе» театр утверждал героизм как безоглядное служение идеалам, как активное вмешательство в жизнь на стороне сил добра и благородства. Бесстрашный и энергичный «одинокий рыцарь» глух к настоящей жизни, ни на минуту не способен забыть самого себя. Потому-то Миртюс и приходит к духовному краху, оказывается несостоятельным перед требованием заплатить за свои убеждения жизнью. Трагический финал спектакля окрашен горькой иронией в адрес незаурядной личности, пораженной заурядным эгоизмом.

...И все-таки после тревожной ноты, завершающей «Одинокого рыцаря», со сцены в зал вновь несется светлая мелодия. Она сливается с тем ликующим ощущением театра, которое делает спектакли наших гостей ярким праздником.

Андрей ЯКУБОВСКИЙ.